

Путь к Свету

Православный альманах

Шаг пятый

О познании добра и о том, что есть зло

Отрывок из романа В. Н. Елсукова «Принцесса и принц»

После ужина все разошлись по своим комнатам. Паломника разместили в маленьком домике, где была кухня, прачечная и небольшая спальня. Закончив вычитывать молитвенное правило к причастию, Леонид стал по четкам совершать веленую ему Иисусову молитву. Скоро внимание начало рассеиваться, потянуло ко сну. За окном стояла густая темная ночь. После раннего рейса, последовавшей за ним напряженной деятельности да еще и разницы во времени с Москвой сильно хотелось спать. При этом за день пребывания в Греции произошло столько событий, что сам перелет казался уже далеким прошлым. «А ведь я не прочитал еще и тысячи молитв», — подумал Лёня. Чтобы проветриться, он вышел из домика, поставил стул на краю обрыва и посмотрел на небо. Луны видно не было, зато все кругом мерцало белым звездным светом. Царили тишина и безветрие, даже морской прибой не слышался, но очень похолодало. Состояние сонливости сразу прошло. Время перевалило за полночь. Совсем околоченев, Леонид встал, чтобы немного подвигаться и согреться. Посмотрев на дно ущелья, он заметил, как оттуда медленно поднимается какая-то черная мгла, поглощая очертания и тени всех предметов на своем пути. Мурашки побежали по спине, нахлынул ужас, а чернота все заполняла пропасть, подойдя уже к самому ее краю. Лёня стоял в полном оцепенении у обрыва, глядя, как из ущелья выползают зловещие языки этой тьмы. Вот он и сам постепенно начал погружаться в нее: уже пропали из вида нижние части тела. Наконец Леонид с головой ушел во мрак и не видел больше абсолютно ничего. Внезапно стало светло. Со всех сторон, горя ядовито-желтым светом, на него смотрело бесчисленное множество мерзких змеиных глаз разных размеров — от совсем маленьких до огромных. Внутри все застыло, даже мысли. И тут неведомо откуда низкий трубный голос скомандовал:

— Иди ко мне! Ко мне!

Из последних сил Леонид прошептал:

— Господи, помилуй!

Видение исчезло, и он обессиленный рухнул на землю, а когда очнулся, то увидел склонившегося над ним старца. Тот поддерживал его голову рукой, приводя гостя в чувство.

— Успокойся и приди в себя, — велел батюшка.

— Что это было?

— Дьявол. Он приходил за тобой.

— Вы тоже это видели?

— И видел, и слышал, и молился. Только Господь мог помочь тебе в тот момент — и помог. <http://www.princess-and-prince.com>

Выдержки из писаний святых отцов Православной Церкви

Бог неописуем и необъемлем, являет Себя всюду: и на горах, и в море, и внизу бездны, не переходя с одного места на другое, подобно как ангелы сходят с неба на землю, Он и на небе, Он и здесь. Но спросишь: «Как возможно Богу быть в геенне или как возможно быть Ему во тьме или в сатане, или в местах, где есть зловоние?». Отвечаю тебе, что Бог бесстрастен и все объемлет. И сатана как тварь Его свяжется Им, а Благое не оскверняется и не омрачается. Но по таинственности и утонченности Божества тьма, объемлемая Им, Его не объемлет. Зло не может быть причастным чистоте, какая в Боге. Поэтому для Бога нет самостоятельного зла, потому что ни от чего не терпит Он вреда. Но для нас есть зло, потому что оно живет и действует в сердце, внушая лукавые и нечистые помыслы, препятствует нам приносить чистые молитвы, делая ум пленником брэнного нашего мира. Как в воздухе бывает сатана и, там же соприсутствуя, Бог нимало не стесняется тем, так и в душе есть зло, а равно соприсутствует, нимало не стесняясь, и Божия благодать. Почему Бог не сделал нас такими, чтобы мы, даже если бы захотели, не могли согрешить? Это ведь не что иное, как сказать: «Почему Он не сделал нас безумными и бессловесными животными?». Ибо привести нас к добродетели принудительно — значит не оставить нам самим по себе никакой самостоятельности и не позволить нашему естеству быть разумным, то есть иметь разумную душу. Ведь отними у нас свободу воли, и мы уже не образ Божий, и не словесная и разумная душа, и наша природа воистину растлится, перестав быть тем, чем ей надлежит быть. Един есть Бог безначальный, ни с кем не борющийся, един благой Свет, а тьма произошла впоследствии, и есть не какая-либо удобоописуемая самостоятельная природа, но наш собственный грех. Грех же есть нарушение заповеди. Грех есть уклонение от доброго, не

допускаемое ни законом, ни природою. Бессловесные животные сохраняют природу свою и чин свой, и ни одно из них не выходит из пределов своих. Денница (дьявол) же или после него Адам вышли из пределов своих и, возгордившись перед Творцом своим Богом, восхотели и сами стать богами. Все разумные сущности, разумею ангелов, души и демонов, Создатель сотворил чистыми и весьма простыми. А что некоторые из них совратились во зло — это произошло с ними от самопроизвола, потому что по собственной своей воле уклонились они от достодолжного помысла. Из ангельских сил ангел — первостоятель околосемного чина, которому Богом была вверена охрана земли, не возникнув злым по природе, но будучи добрым и произойдя для благой цели, и совершенно не имея в себе от Создателя даже следа порочности, не перенес просвещения и чести, которые ему даровал Создатель, и по самовластному произволению превратился из естественного в противоестественное, превознесся против сотворившего его Бога, восхотев воспротивиться Ему, и первым отпал от блага и очутился во зле — ибо зло есть не что иное, как лишение блага, так же как и тьма — лишение света. Последовало за ним и вместе пало бесконечное множество подчиненных ему ангелов. Нужно знать, что падение для ангелов есть то же самое, что для людей — смерть. Ибо после падения для них невозможно покаяние, как и для людей после смерти. С тех пор явились во множестве надземные злобы, демоны, последователи злого царя — человекоубийцы, немощные, темные, зловещие призраки ночи, лжецы, дерзкие наставники в грехах. Они, приходя, манят к себе и ненавидят тех, кто им отдается. Они вместе и ночь, и свет, чтобы уловлять то явно, то обманом. Таково это воинство, таков их вождь! Первейший из всех небесных светов, по гордости своей утратив свет и славу, преследует всегдашнею ненавистью человеческий род. Демонский ум — в той мере, в какой он ум, — происходит от Нее (Премудрости), но постольку, поскольку он обесмыслен и стремится достичь того, чего не знает, то его с бóльшим правом надо назвать отпадением от Премудрости. Таким образом, демонский род представляет собой зло не тем, чем он является по природе, а тем, чем он не является. И все данное демонам добро не изменилось, но они от всего данного им добра отпали. А по причине лишения, удаления и отпадения от подобающих им благ они называются злыми. И они и суть злы в той мере, в какой не существуют в своей природе. А желая не сущего, они желают зла. Но всего же злого и началом и концом оказывается добро, ибо все существует ради добра.

Как говорят Писания, именно из добра все возникло и существует,

будучи выведено из совершенной Причины, и именно в нем все создано и было хранимо и содержимо как бы во всеобъемлющей глубине, и в него все возвращается, умственное и словесное — сознательно, чувственное — чувственно, непричастное же чувствам — врожденным инстинктом сохранения жизни, а неживое и лишь существующее — только необходимостью к добру. Для Добра существовать по существу означает распространять благодать во все сущее. Ибо как солнце в нашем мире, не рассуждая, не выбирая, но просто существуя, освещает все, что по своим свойствам способно воспринимать его свет, так и превосходящее солнце добро в силу лишь собственного существования сообщает соразмерно всему сущему лучи всецелой благодати. Заметь, что само Божество есть добро по существу и что все сущее причастно добру, как творения солнцу. Для всех ведь прекрасное и добро желанно, вожденно и возлюблено; благодаря нему и ради него худшие страстно любят лучших. Сам Бог, являющийся причиной всего, по сверхмерной благодати любит все, творит все, все совершенствует, все сохраняет, все возвращает. Ибо Сама добротворяющая Любовь к сущему, с избытком предсуществуя в добре, не позволила Себе бесплодно остаться в Самой Себе и подвигла Себя действовать для избыточного порождения всего. Любимым Его зовут как прекрасное и добро, Любовью же и Приязнью — поскольку Он является силой, движущей и притом возводящей к Себе, единственному Самому-по-Себе прекрасному и добру, представляющему Собой как бы изъяснение Себя через Себя, благой выход из запредельного единства, простое, произвольное, импульсивное движение любви, предсуществующее в добре, из добра изливающееся (всему) сущему и вновь в добро возвращающееся. Любовное соединение с Богом запредельно и превосходит всякое соединение. Сила, сводящая и движущая к любовному сокоуплению в Духе, есть Бог, то есть Он при этом посредник и соединитель с Самим Собой, чтобы Ему быть любимым и вожденным Своими творениями.

Зло не происходит от добра, все, что происходит от добра, это не зло. Ибо как огню несвойственно холодить, так и добру несвойственно причинять недоброе. И если все сущее из добра (ибо природа добра состоит в том, чтобы все производить и сохранять, а зла — разрушать и губить), то ничто из сущего не происходит от зла. Зло в собственном смысле слова (я говорю не о порочности, которая как вид и качество или имеет место у умных и словесных существ, или не имеет, но о самом просто-зле) ни среди сущего, как бы то ни было желающего блага, не существует, ни среди не сущего, иначе говоря, среди неживой материи.

И отсюда естественным образом следует, что зло в собственном смысле слова бессущностнее материи как совершенно полное ничто. Добро же, где оно достигает совершенства, творит совершенные и беспримесные всецелые блага. А то, что причастно ему в меньшей степени, представляет собой несовершенное благо из-за недостатка добра, но оно более или менее к добру приближается и оказывается в соответствующей мере благим, поскольку сквозь все проходящая всесовершенная благодать распространяется не только на окружающие ее всеблагие существа, но достигает и предельно от нее удаленных, у одних пребывая целиком, у других в меньшей степени, у третьих предельно мало, — в соответствии со способностью каждого из сущих быть к ней причастным. И одни причаствуют добру в совершенстве, другие более или менее его лишены, третьи имеют к добру еще более смутную причастность, а четвертым Оно является в виде предельно слабого отголоска. Ибо не частичное, но полное лишение добра есть зло. А не частично, но полностью добра лишенного, такового и не было, и нет, и не будет, и быть не может. Так, распутник, хоть и лишается добра из-за бессловесной похоти, в нем ведь он не существует и Сущего не желает, тем не менее причаствует добру в самом этом своем слабом подражании соединению в любви.

Беспримесные и всецелые блага получают от добра надмирные умственные существа — ангелы — как бестелесные. Добро же с примесью усматривается в разумных телах, то есть у нас — людей, ибо бессловесная часть души причастна, как сказано, материи, то есть телу, словесная же часть, склоняясь к бессловесной телесно-материальной и иногда подчиняясь ей, из-за этого опускается до материи. Что же касается зла в собственном смысле слова, то это есть вид и случай испорченности, по существу своему направленное против самого себя, а не против другого. На деле же превосходство величия силы добра таково, что оно и тому, что в какой-то мере его лишено, дает силы восполнить недостаток себя до полного к нему причастия. И если уж осмелиться сказать истину, то — и то, что борется с ним, и существовать и бороться может лишь его силой. И даже тот, кто стремится к самой худшей жизни, поскольку он вообще стремится к жизни, кажущейся ему наилучшей, самым тем, что стремится, и стремится жить, и направляет свой взор к «лучшей», по его мнению жизни, причаствует добру. И если полностью уничтожить добро, не останется ни сущности, ни жизни, ни желания, ни движения, и ничего другого. Так что зло есть проявление меньшего добра, подобно тому как болезнь представляет собой недостаток порядка, но не его полное отсутствие.

Если же добро уйдет совсем, то не будет совершенно ничего ни благого, ни смешанного, ни злого в собственном смысле слова. Ведь если убрать тела и свет, то не будет и тени. Ибо совершенное зло само по себе не существует, поскольку причаствует — хоть и в предельно слабом отголоске — добру. В числе сущих (живущих) нет зла. Ведь если все сущее из добра, и во всех сущих оно, и все объемлет добро, то либо зла в числе сущих нет, либо оно в добре. Добро передает всем сущим любовь и воспевается священными богословами как мир в собственном смысле слова и Дарователь мира. Почему и дружелюбно и гармонично все благое и является произведением единой Жизни, и с единым Добром соединено, и кротко, и согласно, и приветливо друг к другу. Так что не в Боге зло, и зло не божественно. Но и не от Бога зло. Ведь либо Он не благ, либо Он творит и доставляет блага по-разному, так, что иногда одно, иногда же другое и не все, но в таком случае окажется подверженным переменчивости и изменчивости сама Божественная причина, что невозможно, ибо Бог перестанет быть Богом. Но и не в ангелах зло. Ведь если благовидный ангел возвещает Божественную благодать, будучи сам по причастию вторично тем же, чем является по существу возвещаемое, то ангел есть образ Божий, проявление света, зеркало чистое, светлейшее, незапятнанное, неповрежденное, не замаранное, зеркало, воспринимающее всю красоту благообразного образа Божия и беспримесно сияющее в себе, насколько это возможно, благодатью священного молчания. Так что и не в ангелах зло. Или те, кто мучают согрешающих (демоны), злы? В этом смысле злы и вразумляющие согрешающих, и те из священников, кто удаляет непосвященного от Божественных таинств. Но не то ведь плохо, что наказывают, а то, что стал достойным наказания, и не то — что недостойных удаляют из храмов, а то, что осквернен и неосвящен и неспособен воспринять пречистые тайны. Демоны по природе не злы. Ибо будь они злы по природе, они были бы не от добра, не в числе сущих, не из благих, изменивших свою природу, а были бы вечно злы. Да и по отношению к себе они злы или для других? Если по отношению к самим себе, то самих себя и губят, если же для других, то как и что они губят: их сущность, силу или энергию? Как сотворенные Богом демоны могут быть злыми? Ведь добро вводит их в бытие. Хотя они, скажет кто-нибудь, и зовутся злыми, но не поскольку существуют, ибо они происходят от добра и получили хорошую сущность, но поскольку не существуют в том виде, как созданы, оказавшись не в состоянии, как говорят Писания, «сохранить свое достоинство» (Иуд. 1:6). Так что это не зло, а недостаток добра. Зло только причиняет порчу лику сущего. Поскольку

демоны существуют, думают, живут и имеют желание благого, они злы не по природе, но из-за извращенного желания якобы доброго. Если бы демоны были злы по природе, то они были бы вечно злы. Если же они не всегда были злы, то злы не по природе, а от недостатка ангельских благ. И они не совершенно непричастны добру, поскольку существуют, живут, думают и вообще у них есть какое-то движение и желания. Что они злы, говорят из-за того, что они оказались неспособны к соответствующей их природе деятельности. Их зло — это отступничество, уход от того, что им подобает, упущение, несовершенство и бессилие, ослабление, отступление и отпадение от создающей их совершенство силы. В частности, что такое демонское зло? Бессмысленная ярость, безумная страсть, необузданная фантазия? Но это, хоть и свойственно демонам, не представляет собою ни совершенного зла, ни зла для всех, ни самого по себе зла.

Спасительный Промысл поддерживает всякую природу движущихся самостоятельно именно как движущихся самостоятельно — и всех вместе, и каждого в отдельности — в той мере, в какой природа тех, о ком он промышляет, способна воспринимать от всецелого и всевозможного Промысла подаваемые соразмерно каждому промыслительные блага. Так что зло не суще, и зла нет среди сущих. Зло как таковое не существует нигде. Зло возникает не от силы, но от слабости. В том числе у демонов. Свойственное же им зло — следствие их отпадения от собственных благ, уклонение и неспособность обладать подобающим им по природе ангелоподобным совершенством. Святое Писания называют согрешающими в разуме тех, у кого от слабости иссякает незабываемое знание или делание добра: кто знает волю и не творит, слышал о добре, но ослабел верой или энергией. И вообще зло, как мы многократно сказали, есть изнеможение, слабость и оскудение либо знания, либо веры, либо желания, либо энергии добра. Но кто-нибудь скажет, что слабость заслуживает не наказания, а прощения. Если бы быть сильным было невозможно, это было бы справедливо. Но если быть сильным зависит от Добра, дающего, согласно Писаниям, то, что соответствует всем вообще, то заблуждение, уклонение, избавление и отпадение от происходящих от Добра благ непохвальны. Злом для души является помеха в свойственной ей по природе деятельности, даже если помеха является извне, например духовная темнота, не дающая видеть добро (заблуждения относительно Бога, идолопоклонство), и тогда душа будет творить зло. Но из этого следует, что производитель зла — помеха, но не зло в собственном смысле слова, ибо злобность — не первичное зло, но вид зла, как и добродетель есть

своего рода помощница на пути к благому, а не Само Первое Добро. Если же скажем, что души озлобляются, то от чего они озлобляются, как не от оскудения благих свойств и способностей и оттого, что по собственной немощи допускают погрешности и поскальзываются? Ведь и окружающий нас воздух темнеет, говорим мы, от убывания и отсутствия света. А сам свет всегда есть свет, освещающий тьму. Так что ни свойственное демонам, ни нам свойственное зло не представляет собой сущее зло, но есть лишь недостаток, отсутствие полноты свойственных нам благ.

Но и не в телах зло. Ибо некрасивость, болезнь — это ущерб вида и нарушение порядка. Это не совершенное зло, но меньшее добро. Когда же происходит полное разрушение красоты, вида и порядка, погибает и само тело. Но то, что тело не является причиной порочности души, ясно из того, что порочность может появиться и без тела, как то случилось у демонов. Зло же и для умов, и для душ, и для тел есть слабость в пользовании и уклонение от обладания собственными благами. Но и в бессловесных животных нет зла. Ведь если отнимешь у них ярость, похоть и тому подобное, что называют, то потерявший мужество и гордость лев уже не будет львом, ставшая ко всем ласковой собака уже не будет собакой, если только дело собак — допускать своих и отгонять чужих. Так что то, что не губит природу, не является злом, гибель же природы — слабость и нехватка природных свойств, энергии и сил. Но — вопреки широко распространенному мнению — и не в материи зло. Если же она как-то существует, а все сущее — от добра, то и материя должна происходить от добра. Если материя необходима для полноты всего мира, то как же материя — зло? Материя, будь она злой, разве могла бы порождать и питать? Ведь зло как таковое не способно ни порождать, ни питать, ни вообще что-либо создавать и сохранять. Если Промысл во всем, то ничто не представляет собой зло по природе. Так что зло не имеет субстанции, но лишь ее подобие. Суммируя, можно сказать, что добро происходит от Единой всеобщей причины, зло же от многих частичных оскудений. Не смыслы ведь и силы производят зло, но бессилие, слабость и несоразмерное смешение несхожего. Оказывается, желаешь одного, а получается другое. Таким образом, зло вне пути, вне цели, вне природы, вне причины, вне начала, вне конца, вне предела, вне желанья, вне субстанции. Следовательно, зло есть ущербность, недостаток, немощь, несоразмерность, грех, бесцельность, безобразие, безжизненность, безумие, бессловесность, необдуманность, безосновательность, беспричинность, неопределенность, бесплодность, бездеятельность, безуспешность, беспорядочность, несхожесть, неогра-

ниченность, темнота, бессущественность. Не всякое зло одинаковое зло для всех и во всех случаях. Демонское зло — бытие вне благовидного ума, зло для души — бессмысленность, зло для тела — противоречие его природе.

Если Вам понравился этот номер альманаха, Вы можете скачать его и переслать друзьям и знакомым.